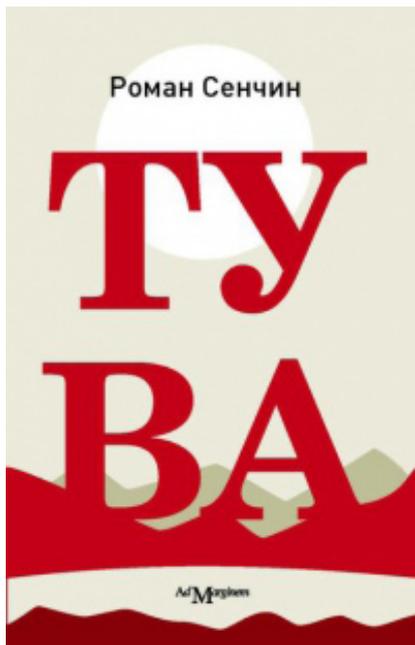

ТУВА 1990-Х ГЛАЗАМИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

Ч. К. Ламажаа

Отклик на: Сенчин Р. Тува : очерк. М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. — 128 с.

Небольшое литературное произведение признанного в российских литературных кругах современного писателя, выходца из Тувы Романа Сенчина «Тува», я прочитала за один день, точнее за две часовые поездки в метро — утром на работу и вечером с работы. Имя автора к этому времени мне было известно уже давно. Знала Р. Сенчина как супруга Елизаветы Емельяновой, дочери тувинской писательницы, журналистки Светланы Козловой. Читала о творчестве Романа я также в новостных сообщениях, в статьях литературоведов, анализирующих современное состояние литературного процесса в России, в том числе будучи выпускающим редактором междисциплинарного журнала своего университета, в котором есть литературоведческий раздел. Самих произведений писателя читать не приходилось (тут я, как Роман, который не может воплотить в жизнь мечту поехать надолго на отдых в Туву, тоже сошлюсь на вечную занятость, московскую суету; читать литературу в свое удовольствие из-за хронической нехватки времени могу лишь урывками, чаще всего в метро).

Но вот в руки попала тоненькая книжка с четырьмя большими буквами красного цвета «Тува». Естественно меня это привлекло.

Первое впечатление, которое сложилось уже во время чтения, было эмоциональным. Где-то взгрустнулось, где-то улыбнулось, какие-то сло-

ва вызвали удивление, а какие-то — недоумение. Легкое перо настоящего писателя, строки, льющиеся из самого его естества, и не должны оставлять читателя равнодушным.

Собственно эмоции от чтения я бы назвала не просто грустью в целом, а грустью в полоску. Бывает грусть светлая, бывает черная. А здесь ни светлая, ни тем более — гнетущая. Нет, просто смешанная, какая-то полосатая грусть. Это произведение — личный дневник о детстве, о родных, о юности, о том, что окружало автора в пору ярких отроческих впечатлений, которые вспышками-картинами остались в памяти на всю жизнь и которые стали все больше звать, манить к себе как сказочный мир, избавляющий от суеты и забот. И грусть по этому сказочному миру, тяга к нему лично мне очень понятна, потому что многое из кызыльских картинок, нарисованных Романом, знакомы мне, как ровеснице автора. Я из той же возрастной когорты, учившихся в 1980-е годы в школе еще при Советском союзе и заучивавшей волшебную формулу «Спасибо партии за наше счастливое детство». Я искренне жалела детей в капиталистических странах и полагала удачей родиться и жить в такой замечательной стране. Я также радовалась новым желтым «Икарусам», появившимся на кызыльских дорогах, о чем пишет Роман; я в детстве гуляла с родителями в городском парке, который летом считался центром городской жизни; выезжала с мамой и папой на автобусах в район, чтобы из городской круговерти выбраться ближе к природе, к многочисленным родственникам.

Хорошо помню эпоху дефицита, застоя, помню испуг и растерянность в старших классах, когда наш главный источник информации — телевизор стал показывать частые похороны генсеков... Это было начало разрушения мира, к которому так старательно готовили моих ровесников.

Воспоминания Романа мне близки и потому, что мы оба выросли в городе, мы с детства чувствовали некоторую отчужденность от сельчан, но все-таки тяготели к земле. Полупочвенники что ли... Однако, мир детства Романа немного другой и это было мне интересно, поскольку писатель описывает мир русских жителей Тувы. Тех, у кого корни остались где-то за Саянами, семейная история туго переплетена с перипетиями российской истории. Глазами автора видишь ту же Туву детства, но немного другую.

Но эмоции эмоциями, а профессиональные навыки тоже взяли свое. Почти сразу я принялась анализировать. Автобиографичностью произведение восполняет существенный пробел нашей исторической науки,

так как оно представляет собой документальный источник по истории повседневности 1990-х годов в Туве. Это история русского населения в Туве, история великого перелома, который случился с нашим обществом. История глазами очевидца. Зафиксированная. Прочувствованная. Детально прописанная.

Автор пытается восстановить историю прибытия и укоренения в республике своих дедушек, бабушек, знакомство и переезды родителей. Истоки он находит в Нальчике, Красноярском крае, Новосибирской области. О жизни родичей в Кызыле Роман уже может рассказать более подробно: дома в районе Кожзавода, квартира на улице Кочетова. Тем самым мы видим одну из страниц истории русских переселенцев в краю.

Интересным кажется такое наблюдение писателя: «На моей памяти в Кызыле всегда были довольно суровые нравы. Дело здесь даже не в межнациональной вражде, которая в общем-то существовала всегда, то обостряясь, то почти (но — почти) исчезая. Скорее дело в составе русского населения, которое до конца 1980-х было в городе подавляющим.

Люди здесь жили активные, переполненные энергией. Это были дети и внуки первых переселенцев, ссыльных или каторжан, или добровольцы, приехавшие благоустраивать «молодую Туву» после 1944 года, а также отбывшие срок уголовники (вокруг Кызыла находилось несколько колоний строгого режима). Но выхода их энергии почти не было, а были, скорее, ощущения запертости в этом «каменном мешке» и злость разочарования у тех, кто ехал в Туву в надежде построить особый мир (позже такое же разочарование я встретил у жителей забытых городков на БАМе). И особенно явно эта нерастраченная энергия и злость проявлялась у молодежи» (С. 77–78). Автор пишет о разных формах преступности, маргинального поведения молодежи: что было принято, как это было на его памяти. В каком учебнике истории тем более советского времени можно прочитать о таких нюансах?

Сюжет о четырех дачах, которые имела в разные годы семья Сенчиных, также весьма показательна с точки зрения истории урбанизации в Туве. Ни с одной из дач у хозяев дела не сложились. Воровство, наступление степи, битва с неустроенностью, продажа недвижимости за бесценок в 1993 году — это история без прикрас и оптимистической статистики.

Начало 1990-х годов в очерке особенно безрадостно. «На этой даче, вернувшись из армии, я провел весь 1992 год. Общаться с людьми, встра-

иваться в изменившуюся за два года жизнь было непросто и как-то противно. Казалось, что правильнее всего — ни с кем не связываться, ни во что не вмешиваться» (С. 92).

Конечно, не всякий читатель, тем более житель Тувы примет эту книжку положительно, уж тем более — близко к сердцу. Потому что это другая Тува, иная. Вроде бы изнутри, но уже отчуждаемая. Это наша малая Родина глазами нового поколения, которое выросло в условиях разрушения старого мира, ломки мифов, надлома. Это Тува, которую мало кто знает и которую мало кто открывает с такой откровенностью. Поэтому хотелось бы рекомендовать эту книжку для изучения тувиноведам-гуманитариям, обществоведам (историкам, социологам).

TUVA OF 1990'S THROUGH THE EYES OF NEW GENERATION

Ch. K. Lamazhaa

Comment on: Senchin R. Tuva: essey. M.: “Ad Marginem Press” Ltd, 2012. — 128 p.